

Чепурная А. И. Стратегии вербализации эпистемической ответственности в массмедийном дискурсе информационного противоборства (на примере освещения украинского кризиса) / А. И. Чепурная // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 249—262. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-249-262.

Chepurnaya, A. I. (2019). Strategies of Verbalization of Epistemic Responsibility in Mass Media Discourse of Informational Confrontation (by Example of Coverage of the Ukrainian Crisis). *Nauchnyi dialog*, 10: 249-262. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-249-262. (In Russ.).

УДК 811.111'42:070.431.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-249-262

СТРАТЕГИИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА)

© **Чепурная Алена Ивановна (2019)**, orcid.org/0000-0002-3329-0070, Researcher ID C-5141-2013, Scopus Author ID 56285833500, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный аграрный университет» (Ставрополь, Россия), alena-chep@mail.ru.

Рассматриваются стратегии вербализации эпистемической ответственности в российском и американском медиадискурсах. Материалом исследования выступили тексты, опубликованные в интернет-версиях российских и американских СМИ, в которых освещается украинский кризис. Используются методы дискурсивного и контент-анализа. Актуальность исследования обусловлена современными особенностями функционирования российской и зарубежных медиасистем, обозначаемых как информационная война. Предлагается типология стратегий вербализации эпистемической ответственности, включающая две стратегии, сопряженные с высокой эпистемической ответственностью (констатация факта и скрытое утверждение), и три стратегии ухода от эпистемической ответственности (персонификация информации / эксперт говорит / из первых уст, затемнение источника информации, сарафанное радио). Проведен статистический анализ реализации выявленных стратегий во фрагментах российского и американского медиадискурса. Показана общая тенденция к преобладанию стратегии «констатация факта», за которой по частотности следует стратегия «персонификация информации / эксперт говорит / из первых уст». Делается вывод о возможной зависимости полученных результатов от принадлежности проанализированных произведений медиадискурса к новостной журналистике, оперирующей фактами, готовыми результатами познания, в отличие от аналитической журналистики, призванной интерпретировать, объяснять, обсуждать.

Ключевые слова: эпистемическая ответственность; медиадискурс; образ события; российские и американские СМИ; информационно-психологическое противоборство; украинский кризис.

1. Введение

Медиадискурс как важнейший канал информирования широкой аудитории и средство управления общественным мнением предъявляет высокие требования к авторам речевых произведений с позиций формы и содержания и предполагает высокую степень ответственности за передаваемую информацию. Значимым свойством информации в массмедиа выступает ее достоверность, в связи с чем представляется актуальным анализ реализации в медиадискурсе эпистемической ответственности, то есть ответственности «за достоверность передаваемой информации» [Чепурная, 2017, с. 36].

Особую значимость исследование эпистемической ответственности в пространстве медиадискурса приобретает в контексте современных особенностей функционирования российской и зарубежных медиасистем, обозначаемых как информационная война [Голоусова, 2014; Плахотная, 2015; Резниченко и др., 2016], которая разворачивается в том числе «на просторах интернет-ресурсов, от социальных сетей до сайтов СМИ» [Захарчук, 2015, с. 65].

СМИ как «транслятор реальности» [Кнэхт, 2014, с. 118] призваны объективно и достоверно освещать события реального мира. Однако «событие как феномен объективно существующей действительности не может быть облечено в словесную форму. В сущности, с помощью языковых средств в медиадискурсе транслируется образ события, принадлежащий психической сфере журналиста и являющийся результатом когнитивной обработки параметров события» [Чепурная, 2018, с. 87]. Образ события не свободен от деформаций — как ненамеренных (особенности когнитивной деятельности человека, недоступность полной информации, неадекватная вербальная презентация и др.), так и намеренных (коммуникативные интенции автора, его социальный статус и политическая позиция, национальные особенности медиасистемы и т. д.). Итак, образ события представляет собой индивидуальный продукт психической деятельности, интерпретацию, что определяет возможность сосуществования отличных образов одного события [Чепурная, 2018]. Трансляция разных медиаобразов одного и того же события, как представляется, служит мощным потенциалом информационного противоборства. Настоящее исследование ставит своей целью выявление и описание стратегий реализации эпистемической ответственности в дискурсе информационно-психологического противоборства

на материале медиаобраза украинского кризиса по данным российских и американских СМИ.

Украинский кризис 2013—2015 годов получил широкое и противоречивое освещение в СМИ и привлек внимание ученых из разных стран и областей научного знания, в том числе лингвистики, теории массовой коммуникации, журналистики. Так, предметом научной рефлексии выступали особенности российской медиасистемы, определяющие приоритеты в освещении украинского вопроса [Strovsky, 2015], изучался образ России в американских [Егорова, 2014] и немецких СМИ [Петухов и др., 2015], а также французском парламентском дискурсе в контексте событий на Украине [Алферов и др., 2015], проводились сравнительные исследования национальной специфики освещения и особенностей транслируемых медиаобразов политического кризиса и военного конфликта на Украине с привлечением к анализу материалов СМИ разных стран: России, Великобритании и США [Капитанова, 2015], России, Украины и США [Roman et al., 2017], Великобритании, Германии, Швеции и Финляндии [Ojala et al., 2017]. Кроме того, международной группой исследователей был проведен сравнительный анализ освещения украинского кризиса в СМИ тринадцати европейских стран [The Ukraine conflict ..., 2015].

Настоящая статья посвящена изучению российского и американского медиаобразов украинского кризиса с целью анализа стратегий и средств его модализации с позиций эпистемической ответственности.

2. Материал и методы

Материалом исследования послужил интернет-контент американской газеты USA Today и канала CNN, с одной стороны, и российской газеты РБК и агентства «РИА Новости», с другой стороны. Для детального анализа были отобраны 4 новостные статьи (по одной из каждого источника), приводящие хронику событий и ретроспективный обзор украинского кризиса. Исследование проводилось с применением методов дискурсивного и контент-анализа.

В отобранных статьях был проанализирован эвиденциально-эпистемический статус высказываний с целью определения маркируемой степени эпистемической ответственности (высокая, низкая, уход от эпистемической ответственности¹) и последующей разработки типологии стратегий

1 При исследовании маркирования эпистемической ответственности решающую роль играет форма подачи информации. Так, немаркированное утверждение сопряжено с полной ЭО, использование эпистемических маркеров категорической достоверности повышает ЭО, маркеры проблематической достоверности снижают ЭО, а используя маркеры репортативной эвиденциальности, автор снимает с себя ЭО. Констатация наличия в высказывании языковых маркеров высокой ЭО не означает, что утверждается ответственное отношение издания / журналиста к предмету речи.

ее маркирования. Был проведен количественный анализ стратегий вербализации эпистемической ответственности, единицей которого выступила реализация стратегии, а не высказывание. Так, одно высказывание могло быть учтено дважды, например, как реализация стратегий «констатация факта» и «скрытое утверждение». В то же время несколько высказываний, реализующих одну стратегию, учитывались в анализе один раз, например, прямая речь, состоящая из нескольких предложений, учитывалась как одна единица реализации стратегии «из первых уст». Был определен процентный показатель реализации каждой стратегии по отношению к общему числу высказываний в анализируемых статьях.

3. Стратегии маркирования эпистемической ответственности

В результате исследования было выделено 5 стратегий вербализации эпистемической ответственности.

1. СТРАТЕГИЯ «КОНСТАТАЦИЯ ФАКТА»

Данная стратегия реализуется через немодализованное высказывание, утверждение с глаголом в изъявительном наклонении и представляет собой немаркированный член оппозиции стратегий:

(1) *Министерство обороны США в этот же день предоставило погранслужбе Украины финансирование на закупку специального снаряжения для охраны границы* [РИА Новости];

(2) *1 декабря участники акции протеста в Киеве захватили Дом профсоюзов, Киевскую городскую администрацию и Киевский горсовет* [РБК];

(3) *Russian jets are on standby in case of combat* (Российские самолеты находятся в состоянии боевой готовности) (здесь и далее перевод наш. — А. Ч.) [USA Today];

(4) *Three days later, the ceasefire goes into effect, but violations quickly follow* (Через три дня прекращение огня вступает в силу, но быстро следуют нарушения) [CNN].

Стратегия «констатация факта» выражается на языковом уровне в виде категорического утверждения, налагая на автора полную эпистемическую ответственность за передаваемую пропозицию. Немодализованные высказывания позволяют представить информацию как объективное знание, в отличие от субъективного мнения, как факт, обладающий презумпцией достоверности. Подача информации как факта преобладает в жанрах новостной журналистики, предлагающей аудитории «готовый результат познания» [Тертычный, 1998, с. 11]. Однако такая форма высказывания не обязательно передает объективное и достоверное содержание, поскольку в условиях манипулятивного использования позволяет представить

субъективное, недостоверное или непроверенное как фактографическое, что обеспечивает возможность формирования желаемого образа события в контексте информационно-психологического противоборства.

2. СТРАТЕГИЯ «СКРЫТОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ»

Эта стратегия заключается в помещении информации в пресуппозитивную часть высказывания, которая не подвергается адресатом критической оценке, а принимается как должное. Манипулятивный потенциал пресуппозиции¹ заключается в возможности «навязывания» нужных смыслов:

(5) *Несмотря на исключение из «Восьмерки», Россия сохранила членство в «Двадцатке»* [РБК];

(6) *Президенту РФ Владимиру Путину была представлена подготовленная МИД России так называемая Белая книга, в которой обобщены факты нарушений прав человека на Украине за период с конца ноября 2013 года по конец марта 2014 года* [РИА Новости];

(7) *Fighting in eastern Ukraine between pro-Russian rebels and Ukrainian armed forces escalates in the early days of Donald Trump's presidency* (Боевые действия на востоке Украины между *пророссийскими повстанцами* и украинскими вооруженными силами обостряются в первые дни *президентства Дональда Трампа*) [CNN];

(8) *Ukraine competes in the Winter Paralympics in Sochi despite Russia's military moves in Crimea* (Украина участвует в зимних Паралимпийских играх в Сочи, *несмотря на военные действия России в Крыму*) [USA Today].

Пресуппозитивный компонент приведенных примеров может быть развернуто выражен следующими утверждениями: Россию исключили из «Большой восьмерки» (пример 5); МИД России подготовил Белую книгу, На Украине имеет место нарушение прав человека (пример 6); Ополченцы на востоке Украины являются пророссийскими, Дональд Трамп стал президентом США (пример 7); Россия совершает военные действия в Крыму (пример 8).

Пресуппозитивный компонент высказывания налагает на автора высокую эпистемическую ответственность, поскольку может быть квалифицирован как утверждение, хоть и скрытое. Стратегия «скрытое утверждение» позволяет журналисту передавать содержание сжато, но емко, помещая

1 Настоящее исследование опирается на типологию пресуппозиций Н. Д. Арутюновой, включающую экзистенциальные, прагматические, синтагматические, коннотативные, коммуникативные и логические пресуппозиции. Из приведенных типов в анализе учитываются коммуникативные пресуппозиции как «представление говорящего о степени осведомленности адресата речи» [Арутюнова, 1973, с. 123].

в ассертивную часть высказывания новую для аудитории информацию и представляя известную информацию как фон в пресуппозитивной части. Однако использование пресуппозиции как манипулятивного приема дает возможность ввести в сознание аудитории субъективные, непроверенные или недостоверные смыслы, минуя этап критической оценки информации со стороны адресата.

3. СТРАТЕГИЯ «ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ / ЭКСПЕРТ ГОВОРИТ / ИЗ ПЕРВЫХ УСТ»

Стратегия «персонификация информации» позволяет связать передаваемые смыслы с конкретной личностью за счет ссылки на эту личность как на источник сведений:

(9) *Назначенный Верховной радой премьером Украины **Арсений Яценюк** заявил, что все руководство одесской милиции снято с занимаемых должностей* [РИА Новости];

(10) *В апреле 2015 года в ходе визита в Москву премьер-министр Греции **Алексис Ципрас**, один из первых западных политиков, посетивших Россию после присоединения Крыма, назвал санкции против РФ недалеко-видным шагом, который ведет к новой холодной войне, а также отметил отрицательное влияние российских контрсанкций на экономику Греции* [РБК];

(11) ***Poroshenko signs the EU Association Agreement — the same deal that former President Yanukovich backed out of in 2013 — and warns Russia that Ukraine's determination to pursue its European dreams will not be denied** (**Порошенко** подписывает Соглашение об ассоциации с ЕС — ту же сделку, от которой в 2013 году отказался бывший президент Янукович, — и предупреждает Россию о том, что Украина не откажется от стремления осуществить свои европейские мечты)* [CNN].

Информация может подаваться как экспертное мнение в случае ссылки на документы, отчеты, лицо или организацию, обладающие авторитетом в сфере освещаемых вопросов:

(12) *Согласно промежуточным результатам расследования причин катастрофы, проведенного **Международной следственной группой**, лайнер был сбит ракетой из зенитного комплекса «Бук», доставленного на Украину из России* [РБК];

(13) *Как отмечается в **коммюнике ЕС**, **Фюле** встретится с назначенным Верховной радой исполняющим обязанности президента Украины **Александром Турчиновым**, премьер-министром **Арсением Яценюком**, представителями гражданского общества и крымских татар* [РИА Новости];

(14) *Since the beginning of the conflict in April 2014, nearly 9,500 people have been killed in the violence and more than 22,100 injured, including*

Ukrainian armed forces, civilians and members of armed groups, the UN says (С начала конфликта в апреле 2014 года около 9500 человек были убиты в результате применения силы и более 22100 получили ранения, в том числе служащие украинских вооруженных сил, гражданские лица и члены вооруженных групп, сообщает **ООН**) [CNN].

Стратегия «из первых уст» отличается от описанных выше стратегий «персонификация информации» и «эксперт говорит» тем, что передается не только содержание, полученное из внешнего источника, но сохраняется и оригинальная форма высказывания, то есть используется прямая речь или частичная цитация:

(15) *Президент Украины Виктор Янукович: «Украина шла и далее будет идти путем евроинтеграции. <...> Чем дальше, тем больше препятствий, но нас это не пугает. У нас есть уверенность и убежденность, что мы идем верным путем»* [РБК];

(16) *The Kremlin calls the sanctions “unfounded and illegal”* (Кремль называет санкции *«необоснованными и незаконными»*) [CNN];

(17) *The Ukraine government calls on Russia to put a stop to the “provocations” in Crimea* (Правительство Украины призывает Россию положить конец *«провокациям»* в Крыму) [USA Today].

Стратегия «персонификация информации» и ее вариации «эксперт говорит» и «из первых уст» реализуется в высказываниях с репортативно-эвиденциальным модусом, позволяя автору отстраниться от передаваемой информации и снять с себя эпистемическую ответственность, поскольку журналист выступает не автором в полной мере, а ретранслятором информации, полученной из внешнего источника. В то же время такие высказывания могут рассматриваться как стремление к максимально объективной и ответственной подаче информации с указанием ее источника. Кроме того, информация, передаваемая со ссылкой на авторитетный источник, вызывает больше доверия у адресата при оценке ее достоверности.

4. СТРАТЕГИЯ «ЗАТЕМНЕНИЕ ИСТОЧНИКА ИНФОРМАЦИИ»

Стратегия «затемнение источника информации» выделяется для высказываний, содержащих ссылку на неопределенный, «размытый» источник информации, например: *по утверждению сил самообороны, один из лидеров местного ополчения сообщил, СМИ сообщили, по сообщениям СМИ, according to U.N. officials* (по данным должностных лиц ООН), *a leader of Russia’s parliament pledged* (лидер российского парламента пообещал) и т. п.

(18) *Украина подняла два самолета МиГ-29, чтобы принудительно посадить в Кишиневе лайнер с российской делегацией, возглавляемой ми-*

нистром культуры РФ Владимиром Мединским, на котором российская делегация возвращалась из Кишинева в Москву, сообщил РИА Новости **источник, знакомый с ситуацией** [РИА Новости];

(19) **Иностранные СМИ** отмечали холодный тон зарубежных лидеров при общении с Владимиром Путиным [РБК];

(20) *A leader of Russia's parliament pledged to support a referendum — deemed illegal by the West — to break from Ukraine* (**Лидер российского парламента** пообещал поддержать референдум — который Запад считает незаконным — об отделении от Украины) [USA Today];

(21) *A NATO commander says that Russian tanks, other weapons and troops are pouring across the border into Ukraine, in apparent violation of the September ceasefire — a claim that Moscow denies* (**Командующий НАТО** говорит, что российские танки, другое оружие и войска пересекают границу с Украиной, что является очевидным нарушением сентябрьского перемирия — заявление, которое Москва отрицает) [CNN].

Высказывания, реализующие стратегию «затемнение источника информации», модализованы по линии репортивной эвиденциальности, маркеры которой оформляют уход от эпистемической ответственности. Затемнение источника информации при добросовестной подаче информации, как представляется, может быть связано с нежеланием или невозможностью журналиста раскрывать источник сведений. Однако как манипулятивный прием ссылка на неопределенный источник может вводиться автором в высказывание с целью переложить эпистемическую ответственность на другое лицо, представляя «свое» как «чужое».

5. СТРАТЕГИЯ «САРАФАННОЕ РАДИО»

К этой стратегии в предпринятом исследовании отнесены высказывания с репортивно-эвиденциальным модусом без указания на источник информации:

(22) *Стало известно, что совет управляющих Международного валютного фонда одобрил двухлетнюю программу stand-by для Украины объемом в 17,01 миллиарда долларов* [РИА Новости];

(23) *Pro-Russian separatists are accused of preventing people from voting in the violence-wracked east of the country* (Пророссийских сепаратистов **обвиняют** в том, что они мешают людям голосовать на охваченном насилием востоке страны) [CNN];

(24) *In Kiev, Kerry offers the \$1 billion loan guarantee and technical experts to help recover assets, referring to the billions reported to have been funneled out of the country by Yanukovich* (В Киеве Керри предлагает кредитные гарантии в размере 1 миллиарда долларов и технических экспертов,

чтобы помочь восстановить активы, ссылаясь на миллиарды, которые, *как сообщалось*, были вывезены из страны Януковичем) [USA Today].

Стратегия «сарафанное радио», как и описанные выше стратегии «персонификация информации / эксперт говорит / из первых уст» и «затемнение источника информации», позволяет автору снять с себя эпистемическую ответственность и обладает большим манипулятивным потенциалом, поскольку переводит информацию в статус слухов, делает невозможным идентификацию первоисточника сведений, ставя под вопрос его существование.

4. Выводы

В результате анализа произведений российского и американского медиадискурса, посвященных украинскому кризису, было выявлено пять стратегий вербализации эпистемической ответственности: констатация факта, скрытое утверждение, персонификация информации / эксперт говорит / из первых уст, затемнение источника информации и сарафанное радио. Первые две стратегии сопряжены с высокой эпистемической ответственностью, а три последующие маркируют уход от нее.

Статистическая обработка выявленных стратегий показала общую тенденцию к преобладанию в проанализированных медиатекстах немодализованных высказываний, реализующих стратегию «констатация факта», предполагающих полную эпистемическую ответственность автора (табл.). Второй по частотности выступает стратегия «персонификация информации / эксперт говорит / из первых уст», выражаемая высказываниями с репортативно-эвиденциальным модусом с точно названным источником информации.

Отмеченное выше преобладание двух стратегий, как представляется, может объясняться принадлежностью проанализированных материалов к новостной журналистике, оперирующей фактами, готовыми результатами познания, с чем связана формализация и объективизация подачи информации за счет стратегии «констатация факта» и в то же время ее персонификация при указании на источник сведений, достигаемая благодаря стратегии «персонификация информации / эксперт говорит / из первых уст». Кроме того, трансляция образа события с преобладающим использованием указанных стратегий может быть направлена на достижение большей убедительности и формирование у адресата доверия к достоверности сообщаемого.

Таблица

**Стратегии вербализации эпистемической ответственности
в медиадискурсе информационного противоборства
(количественное распределение по источникам)**

№ п/п	Степень ЭО	Источник Стратегия	РБК		РИА Ново- сти		USA Today		CNN	
			количество реали- заций	% от общего числа высказываний	количество реали- заций	% от общего числа высказываний	количество реали- заций	% от общего числа высказываний	количество реали- заций	% от общего числа высказываний
1.	ВЭО	Констатация факта	42	71 %	385	60 %	36	73 %	30	64 %
2.	ВЭО	Скрытое утверждение	4	7 %	25	4 %	13	27%	3	6 %
3.	УЭО	Персонализация информации / эксперт говорит / из первых уст	13	22 %	219	34 %	10	20 %	18	38 %
4.	УЭО	Затемнение источника информации	2	3 %	29	4 %	2	4 %	2	4 %
5.	УЭО	Сарафанное радио	0	0 %	8	1 %	1	2 %	1	2 %

Как следует из данных таблицы, проведенное исследование не выявило существенных различий в реализуемых стратегиях и их количественном распределении между сравниваемыми разноязычными дискурсами, что может быть связано с единством их жанровой принадлежности к новостной журналистике. Полученные результаты свидетельствуют о том, что разность медиаобразов, транслируемых в проанализированных фрагментах российского и американского дискурса, достигается не за счет стратегий вербализации эпистемической ответственности, а, скорее всего, благодаря использованию разных коммуникативных стратегий, делающих возможной более широкую модализацию события, превосходящую по содержанию эвиденциально-эпистемические смыслы.

Решение проблемы эпистемической ответственности в медиадискурсе информационного противоборства способствует обогащению лингвистической науки, теории массовой коммуникации и журналистики, вносит вклад в обеспечение информационной безопасности личности и общества в целом, может способствовать разработке технологий противодействия информационной агрессии в СМИ.

Источники и принятые сокращения

1. ВЭО — *Высокая* эпистемическая ответственность.
2. РБК — *Химшиашвили П.* Майдан и его последствия : 10 главных событий [Электронный ресурс] / П. Химшиашвили, Д. Линделл, Ф. Алексенко, А. Гаврилко-Алексеев // РБК. — 21 ноября 2016. — Режим доступа : <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2016/5832e81a9a79477ffe42486a>.
3. РИА Новости — *Украинский кризис* : хроника противостояния на юго-востоке в мае 2014 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 30 апреля 2014. — Режим доступа : <https://ria.ru/20140430/1005505016.html>.
4. УЭО — *Уход* от эпистемической ответственности.
5. ЭО — *Эпистемическая* ответственность.
6. CNN — *Thompson N.* Ukraine : Everything you need to know about how we got here [Electronic resource] / N. Thompson // CNN. — February 3, 2017. — Access mode : <https://edition.cnn.com/2015/02/10/europe/ukraine-war-how-we-got-here/index.html>.
7. USA Today — *Timeline* : Key events in Ukraine [Electronic resource] // USA Today. — March 6, 2014. — Access mode : <https://www.usatoday.com/story/news/nation-now/2014/03/06/ukraine-russia-timeline-obama/6127545/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алферов А. В.* Субъективность и манипулятивность в концептуализации России в европейском парламентском дискурсе / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, А. М. Червоный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 10—17.
2. *Арутюнова Н. Д.* Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. — 1973. — № 1. — С. 117—124.
3. *Голоусова Е. С.* Факт и его интерпретация в СМИ : кризис на Украине глазами зарубежных журналистов (на примере Washington Post, New York Times и др.) / Е. С. Голоусова // Гуманитарный вектор. — 2014. — № 3 (39). — С. 116—121.
4. *Егорова Э. В.* Украинский кризис : образ России в англоязычных электронных СМИ / Э. В. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 11—1 (41). — С. 60—65.
5. *Захарчук Е. А.* Коммуникативная среда интернета как полигон для развертывания информационной войны (на материалах новостного портала euronews.com) / Е. А. Захарчук // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : Лингвистика и педагогика. — 2015. — № 2 (15). — С. 62—68.
6. *Капитанова П. С.* Роль расстановки языковых акцентов при описании одного и того же события в русскоязычных и англоязычных СМИ / П. С. Капитанова // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2015. — № 4. — С. 135—139.

7. Кнэшт Н. П. Представление украинского кризиса в российских СМИ : правда и ложь / Н. П. Кнэшт // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2014. — № 2 (2). — С. 115—122.
8. Петухов А. Ю. Психолингвистический анализ информационного сопровождения украинского кризиса в германских СМИ в 2014 году / А. Ю. Петухов, П. Д. Ивлиева // Национальная безопасность / nota bene. — 2015. — № 4 (39). — С. 548—556.
9. Плахотная Ю. И. Стратегии и тактики политиков России и США в информационной войне / Ю. И. Плахотная // Политическая лингвистика : проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : сборник трудов конференции. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2015. — С. 196—200.
10. Резниченко Д. В. Приемы информационной войны в современных СМИ (на примере политического конфликта России и Украины в 2014—2015 гг.) / Д. В. Резниченко, Я. В. Каштальянова // Дискурс-Пи. — 2016. — № 1 (22). — С. 18—26.
11. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика : познавательно-психологический подход / А. А. Тертычный. — Москва : Гендальф, 1998. — 256 с.
12. Чепурная А. И. Образ события : интерпретация действительности в медиадискурсе (на материале американских СМИ) / А. И. Чепурная // Современные исследования социальных проблем. — 2018. — Т. 10. — № 4—1. — С. 86—95.
13. Чепурная А. И. Эпистемическая ответственность в политическом дискурсе (на материале пресс-конференции Д. Трампа) / А. И. Чепурная // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 35—44.
14. Ojala M. Whose War, Whose Fault? Visual Framing of the Ukraine Conflict in Western European Newspapers / M. Ojala, M. Pantti, J. Kangas // International Journal of Communication. — 2017. — Vol. 11. — Pp. 474—498.
15. Roman N. Information wars : Eastern Ukraine military conflict coverage in the Russian, Ukrainian and U.S. newscasts / N. Roman, W. Wanta, I. Buniak // International Communication Gazette. — 2017. — Vol. 79 (4). — Pp. 357—378.
16. Strovsky D. The Russian Media Coverage of the ‘Ukrainian Issue’ : the Priorities of Informing / D. Strovsky // Studies in Media and Communication. — 2015. — Vol. 3. — № 1. — Pp. 98—108.
17. The Ukraine conflict and the European media : A comparative study of newspapers in 13 European countries / S. Fengler, M. Kreutler, M. Alku, B. Barlovac, M. Bastian, S. S. Bodrunova, J. Brinkmann, F. Dingerkus, R. Hájek, S. Knopper, M. Kus, F. Láb, C. Lees, A. Litvinenko, D. Medeiros, D. Orlova, L. Ozolina, A. Paluch, R. N. Radu, S. Stefanikova, H. Veldhoen, R. Zguri // Journalism. — 2018. — Pp. 1—24.

STRATEGIES OF VERBALIZATION OF EPISTEMIC RESPONSIBILITY IN MASS MEDIA DISCOURSE OF INFORMATIONAL CONFRONTATION (BY EXAMPLE OF COVERAGE OF THE UKRAINIAN CRISIS)

© Alena I. Chepurnaya (2019), orcid.org/0000-0002-3329-0070, Researcher ID C-5141-2013, Scopus Author ID 56285833500, PhD in Philology, associate professor, Department

of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Stavropol State Agrarian University” (Stavropol, Russia), alena-chep@mail.ru.

Strategies of verbalization of epistemic responsibility in the Russian and American media discourse are considered. The material of the study were the texts published in the Internet versions of the Russian and American media, which covers the Ukrainian crisis. Discursive and content analysis methods are used. The relevance of the study is due to the modern features of functioning of Russian and foreign media systems, referred to as information war. The typology of strategies of epistemic responsibility verbalization is proposed, which includes two strategies, coupled with high epistemic responsibility (a statement of fact and implicit assertion), and three strategies for avoiding epistemic responsibility (personification of information / an expert speaks / from the horse's mouth, darkening of information source, word of mouth). The statistical analysis of the implementation of the identified strategies in the fragments of the Russian and American media discourse is carried out. A general tendency to the predominance of the strategy of “statement of fact” is shown, the next being the strategy of “personification information / an expert speaks / from the horse's mouth.” The conclusion is made about the possible dependence of the obtained results on the affiliation of the analyzed works of the media discourse to news journalism, which operates with facts, ready-made results of knowledge, in contrast to analytical journalism, designed to interpret, explain, discuss.

Key words: epistemic responsibility; media discourse; image of event; Russian and American mass media; information-psychological confrontation; Ukrainian crisis.

MATERIAL RESOURCES

- CNN — Thompson, N. (2017). Ukraine: Everything you need to know about how we got here. In: *CNN*. February 3, 2017. Available at: <https://edition.cnn.com/2015/02/10/europe/ukraine-war-how-we-got-here/index.html>.
- EO — *Epistemicheskaya otvetstvennost'*. (In Russ.).
- RBK — Khimshiashvili, P. Lindell, D., Aleksenko, F., Gavrilko-Alekseyev, A. (2016). Maydan i yego posledstviya: 10 glavnykh sobytiy. In: *RBK*. 21 noyabrya 2016. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2016/5832e81a9a79477ffe42486a>. (In Russ.).
- RIA Novosti — Ukrainskiy krizis: khronika protivostoyaniya na yugo-vostoke v maye 2014 g. (2014). In: *RIA Novosti*. 30 aprelya 2014. Available at: <https://ria.ru/20140430/1005505016.html>. (In Russ.).
- UEO — *Ukhod ot epistemicheskoy otvetstvennosti*. (In Russ.).
- USA Today — Timeline: Key events in Ukraine. In: *USA Today*. March 6, 2014. Available at: <https://www.usatoday.com/story/news/nation-now/2014/03/06/ukraine-russia-timeline-obama/6127545/>.
- VEO — *Vysokaya epistemicheskaya otvetstvennost'*. (In Russ.).

REFERENCES

- Alferov, A. V, Kustova, E. Yu, Chervonny, A. M. (2015). Subektivnost' i manipulyativnost' v kontseptualizatsii Rossii v yevropeyskom parlamentskom diskurse. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (54): 10—17. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1973). Problemy sintaksisa i semantiki v rabotakh Ch. Fillmora. *Voprosy yazykoznaniya*, 1: 117—124. (In Russ.).
- Chepurnaya, A. I. (2017). Epistemicheskaya otvetstvennost' v politicheskom diskurse (na materiale press-konferentsii D. Trampa). *Nauchnyy dialog*, 7: 35—44. (In Russ.).

- Chepurnaya, A. I. (2018). Obraz sobytiya: interpretatsiya deystvitelnosti v mediadiskurse (na materiale amerikanskikh SMI). *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem*, 10 (4—1): 86—95. (In Russ.).
- Egorova, E. V. (2014). Ukrainskiy krizis: obraz Rossii v angloyazychnykh elektronnykh SMI. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11—1 (41): 60—65. (In Russ.).
- Fengler, S., Kreutler, M., Alku, M., Barlovac, B., Bastian, M., Bodrunova, S. S., Brinkmann, J., Dingerkus, F., Hájek, R., Knopper, S., Kus, M., Láb, F., Lees, C., Litvinenko, A., Medeiros, D., Orlova, D., Ozolina, L., Paluch, A., Radu, R. N., Stefanikova, S., Veldhoen, H., Zguri, R. (2018). The Ukraine conflict and the European media: A comparative study of newspapers in 13 European countries. *Journalism*, 1—24.
- Golousova, E. S. (2014). Fakt i yego interpretatsiya v SMI: krizis na Ukraine glazami zarubezhnykh zhurnalistov (na primere Washington Post, New York Times I dr.). *Gumanitarnyy vector*, 3 (39): 116—121. (In Russ.).
- Kapitanova, P. S. (2015). Rol' rasstanovki yazykovykh aktsentov pri opisanií odnogo i togo zhe sobytiya v russkoyazychnykh i angloyazychnykh SMI. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 4: 135—139. (In Russ.).
- Knekht, N. P. (2014). Predstavleniye ukrainskogo krizisa v rossiyskikh SMI: pravda i lozh'. *Ekonomicheskkiye i sotsialno-gumanitarnyye issledovaniya*, 2 (2): 115—122. (In Russ.).
- Ojala, M., Pantti, M., Kangas, J. (2017). Whose War, Whose Fault? Visual Framing of the Ukraine Conflict in Western European Newspapers. *International Journal of Communication*, 11: 474—498.
- Petukhov, A. Yu., Ivliyeva, P. D. (2015). Psikholingvisticheskiy analiz informatsionnogo soprovozhdeniya ukrainskogo krizisa v germanskikh SMI v 2014 godu. *Natsionalnaya bezopasnost' / nota bene*, 4 (39): 548—556. (In Russ.).
- Plakhotnaya, Yu. I. (2015). Strategii i taktiki politikov Rossii i SShA v informatsionnoy voyne. In: *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: sbornik trudov konferentsii*. Ekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 196—200. (In Russ.).
- Reznichenko, D. V., Kashtalyanova, Ya. V. (2016). Priyemy informatsionnoy voyny v sovremennykh SMI (na primere politicheskogo konflikta Rossii i Ukrainy v 2014—2015 gg.). *Diskurs-Pi*, 1 (22): 18—26. (In Russ.).
- Roman, N., Wanta, W., Buniak, I. (2017). Information wars: Eastern Ukraine military conflict coverage in the Russian, Ukrainian and U.S. newscasts. *International Communication Gazette*, 79 (4): 357—378.
- Strovsky, D. (2015). The Russian Media Coverage of the 'Ukrainian Issue': the Priorities of Informing. *Studies in Media and Communication*, 3 (1): 98—108.
- Tertychnyy, A. A. (1998). *Analiticheskaya zhurnalistika: poznavatelno-psikhologicheskiy podkhod*. Moskva: Gendalf. (In Russ.).
- Zakharchuk, E. A. (2015). Kommunikativnaya sreda interneta kak poligon dlya razvertyvaniya informatsionnoy voyny (na materialakh novostnogo portala yeuronews.com). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2 (15): 62—68. (In Russ.).